

ПОИСКИ И НАХОДКИ

Еще в Москве, когда зашла речь о Таганрогском драматическом театре имени А. П. Чехова, нас предупредили: «Это тот самый театр, труппа которого была составлена из выпускников ГИТИС. Из первого состава там остались уже немногие, и вряд ли театр сохранил свое прежнее лицо».

Предупреждение настораживало, но, несмотря на это, мы шли на первый спектакль в Таганроге, вовсе не собираясь подсчитывать, кто здесь остался из старого состава, а кто пришел позднее. Мы хотели видеть театр таким, каков он есть сегодня, каким его видят зрители, незнакомые с историей его послевоенного, второго рождения.

Но, признаться, первый спектакль заставил нас серьезно обеспокоиться. Это был вялый, рыхлый, крайне пестрый по актерскому исполнению спектакль. И печальнее всего, что им оказалась «Гроза».

«Грозы» нет без Катерины — натуры сильной и гордой, выражающей по-своему протест против окружающего ее «темного царства» дикости, произвола и самодурства. Своей трагической гибелью она не приносит жертвы, отчаявшись в неравной борьбе, а бросает вызов власти Диких и Кабаних.

А именно Катерины-то — во всяком случае той, какой ее видел Островский, — в спектакле и не было. Артистка М. Новикова, исполняющая эту роль, подчеркнула в образе те черты, которые, в силу жизненной правды, хотя и присутствуют в характере Катерины, но не являются главными и определяющими. Уже в первой картине, когда Катерина рассказывает Варваре о своей жизни до замужества, перед нами предстает не тот человек, который хочет расправить крылья для свободного полета, а скорее слабый, безвольный женщина, впитавшая в себя яд маленького мещанского благополучия, задавленная религиозными предрассудками.

Неудачен в спектакле и Борис Григорьевич в исполнении В. Гармашова. У Островского Борис еще не потерял вполне чувства человеческого достоинства, как потерял его Тихон, в нем еще есть известная самостоятельность, независимость. У Гармашова же Борис — такое же слабое, без-

На спектаклях Таганрогского драматического театра имени А. П. Чехова

вольное существо, как и Катерина.

Особое место в своей пьесе Островский отдал механику-самоучке Кулигину. Этот персонаж не влияет заметно на сюжетное развитие пьесы, но он необходим в ней как живой укор сильному миру сего, как здоровое начало в душном мире купеческого городка. Свои взгляды он исповедует спокойно, убежденно, не боясь презрения и насмешек. А у Л. Гаврилова, которого мы видели в роли Кулигина, получился робкий, вызывающий жалость чудаковатый фантазер, который и сам-то как будто считает свои затеи пустой забавой.

Если к этому добавить, что Л. Волчков (Дикой) и Н. Игнатъева (Кабаниха) создали действительно сильные образы властителей «темного царства», то станет ясным, какое ошибочное толкование приобрела в конечном счете вся пьеса, как неверно оценил и распределил в ней соотношение сил постановщик спектакля В. Потик.

«Гроза» готовилась в театре к 130-летию со дня рождения А. Н. Островского. Может быть, неудача спектакля вызвана какой-то спешкой? Нет, вернее предположить, что причина в другом: на этот раз театр не проявил к себе должной требовательности, не использовал всех своих возможностей.

А возможности эти немалые. И требовательность у театра есть. В этом мы убедились, просмотрев другие спектакли, в частности такие интересные по режиссерскому замыслу и актерским работам, как «Егор Булычов и другие», «Свадьба с приданым», «Иванов», «Девочки-красавицы», «Таня». Не все они одинаковы по своему уровню и далеко не все безукоризненны; но в этих постановках мы увидели подлинное лицо театра — театра молодого, ищущего, пытливого, способного решать большие творческие задачи.

Творческая смелость театра проявилась хотя бы в том, что он взялся за постановку «Иванова» — одной из самых сложных

для актерского исполнения чеховских пьес. В репертуаре московских театров «Иванов» отсутствует уже в течение многих лет.

Театр много поработал над спектаклем, прежде чем он стал по-чеховски искренним, тонким и умным. Постановщик спектакля главный режиссер театра С. Лавров прочитал пьесу не как бытовую, а как социальную драму со всеми присущими ей особенностями. Герои, которые действуют в спектакле, — не просто мелкие и ничтожные люди, застывшие и опустившиеся в провинциальной глуши, — они пробуждают в зрителе активное отрицание того общественного уклада, который убивает все светлое в человеке.

Иванов в исполнении С. Лаврова честен и горд, склонен к критическому самоанализу, еще тянется к какой-то работе и тут же сознает, что он уже неспособен к ней. Несчастный в личной жизни, беспомощный в практических делах, он достаточно умен, чтобы осознать бессмысленность своего существования. В трагедии Лаврова Иванов не всегда искренне верит в то, что он пытается провозгласить звучной и горячей фразой. Но мы верим в искренность Иванова, когда тот в заключительной сцене без всякой рисовки признает бессмысленность своей жизни и неизбежность гибели.

Не менее продуманно играет графа Шабельского А. Глазырин. Вначале мы воспринимаем его только как выжившего из ума приживала, почти шута, которого никто не принимает всерьез. Но в четвертом действии перед нами предстает уже другой человек — не такой сложной духовной организации, как Иванов, но все же по-своему честный и порядочный. Артист ведет эти сцены с исключительным драматизмом.

В спектакле «Иванов» мы впервые увидели молодую артистку Л. Антонюк, исполняющую роль Анны Петровны. Актриса незаурядного драматического дарования, она создает трагический образ женщины, пожертвовавшей всем ради любимого человека, но не понятой им, отвергнутой родными, тоскливо влачащей день за днем.

Хороши и другие исполнители главных ролей, особенно кичащийся своей необыкновенной честностью, но по существу бездушный и эгоистичный доктор Львов (В. Гармашов), циник и прожектер Боркин (В. Волков).

Спектакль «Иванов» радует бережным, свежим, молодым отношением коллектива театра к чеховской драматургии. Обаянием искренности и взволнованности веет от каждой мизансцены, разработанной строго и выразительно, как и требует этого текст пьесы.

Вполне законная тяга театра к лучшим образцам русской классической драматургии. Не случайно поэтому театр поставил на своей сцене «Егора Булычова и других» М. Горького.

Булычова играет А. Глазырин — актер безусловно большой культуры. Он не повторяет того Булычова, которого мы видели на других сценах. У него свое восприятие образа, свой голос, свои интонации. Глазырин прежде всего хочет подчеркнуть в своем герое черты человека, попавшего «не на ту улицу», человека чрезвычайно умного, понимающего людей с первого слова и к каждому точно определившего свое отношение. Поэтому к своим домочадцам, исключая Шуру и Глафиру, он относится не столько с гневом, сколько с презрительной усталой иронией, зная, что другого от них и ждать нечего. Только в сцене с Пропотеем, измученный болезнью, он не выдерживает и дает волю своей долго рвавшейся наружу, но сдерживаемой ярости.

Особенно примечательны в этом отношении сцены с Меланией. Булычов — Глазырин знает, что это его враг, враг коварный и хитрый, но все же неумный, чьи замыслы он разгадывает с первого взгляда. Тон его в беседах с игуменьей остается неизменно спокойным, грубовато-насмешливым, а от этого еще резче обозначаются превосходство Булычова и ничтожество Мелании. Здесь один актер как бы помогает лепить образ другому.

Своим Булычовым Горький показал тот тип русских людей, которые в силу своей классовой природы хотя и не могли принять пролетарскую революцию, но уже отчетливо видели неотвратимость крушения старого мира. Они чувствовали, что на смену ему приходит новый общественный строй, и, не приемля его, все же понимали, что приход его неизбежен и даже, может быть, необходим. Глазырин хорошо передает эту мысль в сцене, когда Башкин сообщает Булычову, что рабочие хотят взять в свои руки управление госуларством. Булычов скептически замечает: «Пропьют они Россию». Но тут же смолкает, надолго задумывается. «А вдруг не пропьют?» — неожиданно добавляет он, и в

голосе его не столько тревога, сколько какая-то злая надежда.

Интересный образ Шуры создает Л. Антонюк. Это не просто озорная и дерзкая девчонка, какой ее привыкли считать в доме, но и человек, наделенный природным умом, ищущий свое место в жизни, способный на преданную любовь и горячую признательность. Эти стороны характера Шуры артистка оттеняет в сценах с отцом, с Тятиными и Лаптевыми.

В спектакле вообще необходимо отметить ровный актерский ансамбль. Превосходно играет Павлина В. Волков, естественна М. Новикова в роли Глафиры, чрезвычайно симпатичен И. Колесников, играющий Тятину. В эпизодических ролях наиболее выразительны А. Стремоусов (Пропотей) и Л. Гаврилов (трубач).

Постановщик С. Лавров, заострив социальные характеристики героев, добился большой идейной глубины спектакля. Режиссер интересно и своеобразно решил многие мизансцены. Драматичен финал, когда умирающий Булычов мечется из комнаты в комнату огромного купеческого дома в поисках Шуры, но даже она в эти минуты забывает об отце, жадно прислушиваясь к песне рабочих демонстрантов, властно влетающей в окна.

«Егор Булычов и другие» — большая творческая удача коллектива театра.

Прочное место в репертуаре театра занимают пьесы советских драматургов. Две комедии, которые мы здесь увидели («Свадьба с приданым» Н. Дьяконова и «Девочки-красавицы» А. Симукова), насыщены веселым и искренним юмором, отличаются изобретательностью в режиссерском решении. В «Девочках-красавицах» незаурядным комедийным талантом блеснул В. Волков — актер, пришедший в театр с клубной сцены. Его Сергей Третьяков жизненно правдив: таких славных ребят, полных неистощимой молодой энергии, часто встречаешь на любом заводе.

В репертуаре многих театров уже давно прочное место занимает пьеса А. Арбузова «Таня». В Таганроге ее поставил В. Потик. На этот раз им пролетала серьезная и вдумчивая работа: спектакль вышел цельный, поэтический, свежий.

Прекрасный образ молодой советской женщины создает Л. Антонюк. Ее Таня покоряет зрителя цельностью натуры, твердостью воли и мягкой, чарующей женственностью.

Познакомившись в Таганроге с такими

спектаклями, как «Иванов», «Егор Булычов и другие», «Таня», мы убедились, что театр имени А. П. Чехова живет настоящей творческой жизнью, что он стал интересным профессиональным театром, определившим свое лицо и свои задачи.

Почему же все-таки у театра есть еще такие серьезные неудачи, как постановка «Грозы», или менее крупные, но все же досадные погрешности в других спектаклях?

Руководство театра совершает ошибку, ограничивая творческую жизнь коллектива только рамками работы над очередным спектаклем. Здесь редко собираются за рабочим столом, чтобы послушать лекцию по марксистско-ленинской эстетике или беседы о западной, русской и советской драматургии. Почти совсем не практикуются творческие отчеты актеров, которые наверняка могли бы вызвать оживленную дискуссию. Большинство ведущих актеров имеют основательную теоретическую подготовку, но знания их используются плохо, так же как и опыт актеров старшего поколения.

Советский актер должен быть человеком широкой и разносторонней культуры и непрерывно пополнять свой духовный багаж. А об этом-то и забывают нередко в Таганроге. В стороне от творческой жизни театра, где много комсомольцев, стоит и горком комсомола.

Отрицательно влияет на качество спектаклей и чрезмерная, иногда просто нетерпимая перегруженность актеров. Например, Л. Антонюк пришлось выступить за шесть дней... в семи спектаклях. Не меньшая нагрузка у Глазырина, у Волкова, у многих других. Об этом знает Ростовский областной отдел по делам искусств, но почему-то мирится с таким фактом.

И, наконец, театру нужно пополнение — из тех талантливых молодых режиссеров и актеров, которых выпускают наши театральные училища.

Думается, что в театре, который и сейчас производит интересные и смелые творческие поиски, будет в дальнейшем еще больше радостных и вдохновляющих находок.

Ю. ДОБРЯКОВ.

Таганрог.

«КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА»

24 июня 1953 г.

3 стр.